

Фонтанка, 16: «Дом Золотого несчастья и блистательных страданий»

П. Д. Николаенко

Как и все аристократические фамилии Северной столицы, семья графа В. П. Кочубея зимой жила в городе, а летом на даче.

Министр внутренних дел граф
(князь с 1831 г.)
Виктор Павлович Кочубей

Дворец Кочубеев в Царском Селе, построенный к началу 20-х годов XIX века, стал летней резиденцией министра, позже председателя Государственного Совета, центром светской и культурной жизни Села. От посещения дворца явное удовольствие получали члены императорской фамилии. В связи с этим из письма императрицы Елизаветы Алексеевны от 7 июля 1820 года узнаем о ее настроении: «Наконец-то лето! В воскресенье нам довелось отужинать в Царском Селе у графа Кочубея в большом прекрасном доме <...> Погода благоприятствовала этому красиво обставленному вечеру...»¹

Однако царскосельскому дворцу Кочубеев досталась меньшая слава, чем их петербургскому особняку на Фонтанке, 16, с его более скромным внешним видом. Это здание,

построенное по проекту О. Монферрана напротив Михайловского замка, в начале 20-х годов XIX века было куплено вместе с участком у князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского и вскоре стало широко известно аристократическому миру столицы.

Этот дом всегда вызывал живой интерес петербургской знати не только потому, что в нем жил граф В. П. Кочубей – приближенный императорской фамилии, «вельможа во всем пространстве сего слова»². Немалая заслуга в придании этому дому всеобщей популярности принадлежала теще министра Наталье Кирилловне Загряжской, старшей дочери последнего гетмана Малороссии графа К. Г. Разумовского, прожившей в этом доме до самой кончины в 1837 году. А ее муж Николай Александрович Загряжский стал жить отдельно, переехав на другую квартиру. Но все это не мешало супругам поддерживать дружеские отношения и видаться почти ежедневно.

Графиня
Наталья Кирилловна Загряжская
(1747–1837), воспитавшая
жену министра – графиню
Марию Васильевну Кочубей

Отказавшись от своего огромного состояния в пользу любимой племянницы и зятя, Наталья Кирилловна вместе с прислугой содержалась за счет средств, которые

Запасной дворец. Царское Село. Фото автора

ей выделялись из общих доходов семейства Кочубеев. Проживая в их домах, она всегда имела свои апартаменты. Так, в особняке на Фонтанке Наталья Кирилловна занимала на правой стороне первого этажа шесть комнат, одна из которых являлась своеобразным салоном. В царско-сельском дворце комнаты графини Загряжской в 1835 году находились в бельэтаже, а комнаты графини Строгановой на третьем этаже³.

Перестав выезжать в свет, она, несмотря на преклонный возраст, продолжала вести активный образ жизни и оставалась гостеприимной и любезной хозяйкой. В ее салоне бывали практически все члены императорской фамилии: Александр I и Николай I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, императрицы Елизавета Алексеевна и Александра Федоровна, великие князья и великие княжны. В числе посетителей ее дома бывали знатные аристократы и простые люди, молодые и старые, русские и иностранцы. Как отмечает один из современников, это была «дама умная, добродетельная и всеми уважаемая, несмотря на то, что в характере ее было много оригинального, собственно ей принадлежащего»⁴. Обладая бойким и острым умом, Наталья Кирилловна славилась своими язвительными замечаниями и резкими выходками в адрес тех, кто пришелся ей не по душе. При этом она не принимала во внимание ни его чина или звания, ни знаменитого происхождения или высокого положения в обществе.

По доброте своего сердца она имела обыкновение всегда о ком-нибудь хлопотать и просить, не вникая в то, возможно ли выполнить эту просьбу или нет. При этом свои прошения адресовала любому высокопоставленному лицу. Проявляя заботу о несчастных, Наталья Кирилловна нередко обращалась к особам императорской фамилии. Причем она с таким искусством и умением это делала, что никто не мог ей отказать в просьбе, даже государи, особенно в вопросах благотворительности и помощи бедным. Однако с годами она теряла былое влияние. А постоянные настойчивые ходатайства за просителей утомляли тех, к кому она обращалась, в том числе царствующим особ, и они нередко старались избегать встреч с ней. М. Евреинов

в своих записках вспоминает, что как-то Николай I говорил князю С. М. Голицыну о желании захватить к Кочубею в какое-нибудь удобное время, чтобы избежать встречи с Натальей Кирилловной⁵.

Что же касается родных и близких графини Загряжской, то они, особенно «любимая Машенька», неукоснительно следовали всем ее причудам и не смели поступить против ее воли.

В одном лишь Виктор Павлович не уступал своей теще, оставаясь всегда на своих принципиальных позициях. Он никогда не помогал просителю, приходящим к Наталье Кирилловне. Виктор Павлович настоятельно требовал от нее, чтобы она не заставляла его хлопотать за лиц, обращающихся к ней с просьбами. И она в точности исполняла его требования. Никогда ни о чем не просила В. П. Кочубея и в этом всем откровенно признавалась⁶.

Из многочисленной родни Натальи Кирилловны «любимая Машенька» была единственной, кто искренне и нежно любил ее как родную мать. Известно, что Мария Васильевна с пеленок росла в доме Н. К. Загряжской, получила блестящее воспитание и огромное наследство родной тети. Для ее образования Наталья Кирилловна не жалела средств и времени, нанимала лучших учителей, художников и музыкантов. Ее Машенька в совершенстве владела несколькими иностранными языками, знала историю и литературу, хорошо ориентировалась в политике.

Современники отмечали и высокие нравственные качества Марии Васильевны, которые не уступали ее внешней привлекательности. М. М. Сперанский, близко знавший семейство Кочубеев, в ноябре 1818 года писал своей дочери: «Графиня (М. В. Кочубей. – П. Н.) есть прекраснейшее моральное существо, какое только удавалось мне знать»⁷.

Родная мать Анна Кирилловна Васильчикова, как известно, уйдя в монастырь, не так часто баловала родную дочь Марию своим вниманием. Правда, из некоторых источников известно, что она навещала дом Марии Васильевны Кочубей в Санкт-Петербурге. В частности, летом 1803 года она гостила у своей дочери на даче, которую Кочубеи снимали на Аптекарском острове⁸.

В 1816 году скончалась родная сестра Марии Васильевны княгиня Е. В. Вяземская, а в 1826 году – мать. У графини Кочубей самым близким человеком по материнской линии осталась лишь Н. К. Загряжская, у которой в этот период, как заметил М. М. Сперанский, «нрав делался час от часу брюзглив и несносен»⁹.

Несмотря на появившуюся с годами «брюзгливость нрава», Н. К. Загряжская своим умом и только ей присущим обаянием продолжала оказывать магическое воздействие на всех, кто ее окружал и слушал. В числе тех, кто, посещая салон Загряжской, с интересом заслушивался ее рассказами, был А. С. Пушкин. В ее воспоминаниях поэт находил кладезь исторических фактов и поэтическую прелесть. Пушкин стал чаще посещать дом В. П. Кочубея в начале 30-х годов. Став женихом Н. Н. Гончаровой, он по линии своей будущей жены оказался родственником Н. К. Загряжской. Теща А. С. Пушкина Наталья Ивановна Гончарова, как оказалось, была воспитанницей генерал-майора И. А. Загряжского, родного брата супруга Натальи Кирилловны. Следовательно, Н. К. Загряжская доводилась теткой матери невесты поэта.

По записям можно предположить, что на таких встречах в салоне Н. К. Загряжской поэт общался и с другими членами семьи В. П. Кочубея. Но он не упоминает об этом в своих записях. Так, встречая новый 1834 год в доме Натальи Кирилловны, поэт лишь упомянул об этом и далее записал: «Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове и пр.»¹⁰. Странно, будучи в доме председателя Государственного Совета ни слова не сказать о нем в своем дневнике. Выходит, что В. П. Кочубей из-за болезни не присутствовал в салоне Загряжской на встрече нового 1834 года или поэт с ним не встречался.

Последняя запись бесед под рубрикой «Разговоры с Н. К. Загряжской», сделанная поэтом в своем дневнике, относится к 12 августа 1835 года, хотя мы знаем, что посещения А. С. Пушкиным этого дома продолжались и в последующем.

Наталья Кирилловна была единственным человеком из семьи Кочубеев, который, по выражению

М. М. Сперанского, никогда не болел и жил в свое удовольствие. «Из всего этого обширного дома, – писал Михаил Михайлович своей дочери в Чернигов, – одно существо здоровое, веселое, смеющееся, довольное <...> – есть семидесятилетняя старуха (Н. З. было уже 76. – П. Н.), все прочее страждет и к страданию близко. Разбирай после сего судьбы человеческие и угадай, где счастье»¹¹.

Трудно не согласиться с таким заключением, сделанным человеком, хорошо знавшим эту знатную аристократическую семью на протяжении почти сорока лет, которая считалась самой богатой, счастливой и обожаемой всеми членами императорской фамилии. Так ли было это на самом деле?

Из-за внешнего лоска и пышности балов и торжественных приемов мало кто знал, насколько трагично складывалась семейная жизнь В. П. Кочубея.

Достигнув высоких чинов и титулов в государственной службе, Виктор Павлович в личной жизни был глубоко несчастным человеком. На основе анализа документов нам приходится констатировать, что В. П. Кочубей с малых лет был обделен родительским вниманием. Тяжелая болезнь, а затем ранняя смерть матери и пренебрежительное отношение отца к воспитанию своих детей фактически лишили Виктора Павловича, его брата Аполлона и сестер Графину и Александру радостного детства, тех наслаждений, которые получают дети от прикосновения теплых материнских рук, от постоянного доверительного общения с родителями. В раннем детстве В. П. Кочубею гораздо чаще приходилось переживать горькие, чем счастливые минуты. Об этом было известно статс-секретарю Екатерины II А. А. Безбородко, не имевшему своей семьи и взявшему на себя дальнейшее воспитание любимого племянника.

Под стать мужу такая же судьба постигла и его жену Марию Васильевну, которая воспитывалась в доме тетки Н. К. Загряжской.

Поженившись в 1799 году, молодая чета Кочубеев стремилась иметь большую семью. Мария Васильевна родила В. П. Кочубею тринадцать детей: восемь сыновей и пять дочерей. Помня о своем «горьком»

Жена министра графиня (княгиня с 1831 г.)
Мария Васильевна Васильчикова
(в замужестве – Кочубей)

одиноким детстве, Виктор Павлович и Мария Васильевна всю свою жизнь посвятили детям, проявляя исключительное внимание и заботу об их воспитании и образовании. К большому горю, им не удалось сохранить и вырастить всех детей. За 1807–1816 годы у Кочубеев умерло семеро детей: четыре сына и три дочери. В этот период фактически каждый год их дом не покидали скорбь и печаль по утрате дорогих детей. Причем для этой страдающей семьи самым трагичным оказался первый месяц весны: в марте 1807 года на третьем году жизни скончался сын Павел, в следующем году умирает пятилетний Александр, в марте 1809 года не стало годовалой Екатерины, затем в младенчестве Елизаветы и Елены. 9 марта 1811 года умирает шестилетний Николай. В мае 1816 года не стало всеобщего любимца семьи девятилетнего Андрея¹².

К этому времени у Кочубеев осталось в живых четверо детей. Эта семейная трагедия наложила свой отпечаток не только на личную жизнь В. П. Кочубея, но и крайне отрицательно сказалась на его государственной службе. К этому следует добавить, что сам Виктор Павлович с молодых лет страдал подагрой и туберкулезом легких, которые в сыром климате все чаще и чаще давали о себе знать. Судьба уготовила семье В. П. Кочубея еще одну беду, которая будет оставаться незаживающей раной на протяжении 13 лет. Это, как оказалось,

неизлечимая болезнь младшей дочери Аноты. Родившись в 1813 году, она в годовалом возрасте тяжело заболела. Ей грозила полная неподвижность.

Чтобы спасти оставшихся детей, В. П. Кочубей решил испросить долгосрочный отпуск и отправиться в теплые края. На семейном совете Кочубеи решили уехать в Италию и уже глубокой осенью 1816 года прибыли во Флоренцию. Это было уже третье по счету, довольно продолжительное заграничное путешествие семейства В. П. Кочубея. Оно длилось более двух лет. И только в конце июля 1818 года они возвращаются в Санкт-Петербург.

За первые два года нахождения в столице в личной жизни и службе В. П. Кочубея произошли существенные перемены. Уже в сентябре 1818 года ему удалось восстановить тесные связи с М. М. Сперанским и поддерживать их до конца своей жизни. Дочь стала фрейлиной двора. Несколько окрепло здоровье детей и супруги Марии Васильевны, которая в 1820 году родила сына Сергея. В этом же году их дочь Наталья Викторовна вышла замуж за графа А. Г. Строганова. Постепенно наладилась и служебная карьера В. П. Кочубея. В ноябре 1819 года он вторично возглавил Министерство внутренних дел. Дом Кочубея приобрел полное уважение и доверие двора. Здесь опять проводятся балы и встречи, на которых вновь нередкими участниками являются члены императорской фамилии.

Дочь министра
Наталья Викторовна Кочубей
(в замужестве – Строганова)
(1800–1855)

В 1818 году на одном из таких танцевальных вечеров в Павловске семья Кочубея, особенно Виктор Павлович, произвела самое благоприятное впечатление на великую княгиню Александру Федоровну, супругу будущего императора Николая I. Вот как отзывалась она об этой первой встрече в своих записках: «Тут кстати упомянуть о семействе Кочубей. Оно находилось в отсутствии в течение нескольких лет, и только в 1818 году граф и графиня и их красивая дочь Натали были мне представлены в Павловске, причем папан (Мария Федоровна. – П. Н.) и император отзывались об этой семье самым лестным образом. Вскоре я сама почувствовала к ним расположение; их я посещала всего охотнее, и мы приглашали их чаще других. Граф обладал в высшей степени изысканными манерами и светскостью в обращении <...> В то время как я познакомилась с ним, он состоял, кажется, министром внутренних дел (ошибается, он стал министром в 1819 году. – П. Н.). У них было несколько танцевальных вечеров, но вскоре я должна была перестать танцевать, так как почувствовала себя беременной...»¹³

На эту особенность вечеров в кочубеевском доме указывают и другие современники. Балы в знатных домах, как правило, устраивались в определенные дни. У Кочубея они проводились по понедельникам, а вечера – по вторникам; у Лавала – по средам, у графа Нессельроде – по четвергам и т. д.

М. М. Сперанский, постоянный посетитель дома В. П. Кочубея, в письмах к дочери так описывает

Старший сын,
князь Лев Викторович Кочубей
(1810–1890)

Второй сын,
князь Василий Викторович Кочубей
(1812–1850)

проводившиеся здесь балы и вечера. «Вчерашний день (4 декабря 1822 г. – П. Н.) пробыл на бале у гр. Кочубея до двух часов <...> Бал был великолепный (до 300 человек) и даже довольно весело»¹⁴. 1 января 1823 года М. М. Сперанский сообщает дочери о том, что новый год провел у графа Кочубея. Бал был маленький¹⁵. А через три недели рассказывает ей в письме о вечерах на Масленицу, замечая при этом, что «бал у графини Кочубей так же был весел, но по другим причинам. Тут была великая княгиня и было весело: сего довольно, чтобы все оживить. Она танцевала до трех с половиной часов. Государь <...> расспрашивал о твоём замужестве»¹⁶.

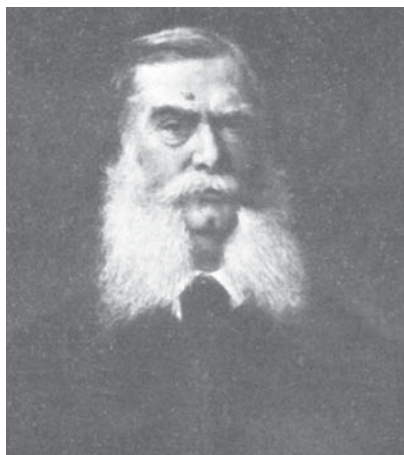
Домашняя жизнь четы Кочубеев протекала своим чередом. Выезды в свет, балы и обеды крайне утомляли графиню и графа, которым уже было

Граф
Михаил Михайлович Сперанский
(1772–1839)

Князь
Михаил Викторович Кочубей
(1816–1876)

Князь
Сергей Викторович Кочубей
(1820–1880)

далеко за 40. Мария Васильевна чаще стала испытывать нервные приступы. У Виктора Павловича в условиях сырого климата опять обострились старые болезни. Из-за слабого здоровья жены и очередного приступа болезни дочери Анюты, а также нежелания подчиняться Аракчееву 28 июня 1823 года В. П. Кочубей ушел в бессрочный отпуск, продлившийся до вступления на престол Николая I. В эти годы он старается жить уединенно, все время посвящая своей семье, которая заметно выросла. Дочь Наталья Викторовна к этому времени родила деду внука Григория и внучку Марианну и ждала еще прибавления в своей семье.

Елизавета Михайловна
Сперанская (1799–1857),
в замужестве Фролова-Багреева

Современники свидетельствуют о его нежной любви к своим детям и внукам. Как известно, у супругов Кочубеев к 1823 году в живых осталось шесть детей: четыре сына и две дочери. Самому старшему сыну Льву было 13 лет, Василию – 11, Михаилу – семь, Сергею исполнилось только три года. Двухлетнюю дочь Наталья Викторовна была уже три года замужем. Младшая десятилетняя Анюта вновь сильно заболела, и по совету врачей ее необходимо было срочно везти в теплый климат.

В середине июля 1823 года граф В. П. Кочубей со своим семейством, оставив дома Наталью Кирилловну и старшую дочь Наталью Викторовну, на шести небольших судах (тифинках), любезно предоставленных Александром I графине Марии Васильевне, прямо из Петербурга водою тронулся в путь. В начале сентября путешествие, длившееся около двух месяцев, завершилось благополучным прибытием в Феодосию.

Из-за своего недуга и тяжелого физического состояния младшей дочери В. П. Кочубей почти восемь месяцев вынужден был проживать без выезда в Феодосию.

Наконец, 5 мая 1824 года семейство Кочубея выехало из Феодосии и направилось в родную Диканьку Полтавской губернии. Здесь Кочубей провели все лето, а осенью отправились в Одессу.

В. П. Кочубей, находясь в Одессе, окончательно пришел к выводу

о необходимости ухода в отставку. Об этом он поведал Сперанскому в письме от 10 октября 1824 года: «...Когда, с одной стороны, генерал-губернаторы, большею частью все коверкают и бесчинствуют, а с другой, граф Аракчеев всем управляет, я не вижу никакой возможности управлять министерством <...> на 57-м году жизни моей можно ли мне забыть достоинство человека с чувствами и обратиться к подлости и терпеть унижение»¹⁷.

Освободившись от бремени государственных дел, граф В. П. Кочубей серьезно занялся семейными делами, особенно устройством детей. По совету врачей он решил увезти больную младшую дочь Анюту в Германию, чтобы пройти курс лечения у знаменитого хирурга Гене, который жил в городе Вирцбурге. Поездка к хирургу была назначена на апрель 1825 года. Туда отправлялось все семейство графа, за исключением среднего сына Василия, который из-за слабого здоровья должен был оставаться в Одессе.

А пока семья В. П. Кочубея осенью 1824 года вновь возвратилась на юг России, чтобы зиму пережить в теплом климате. Местом жительства избрали Одессу, куда приплыли морем из Крыма в начале октября 1824 года.

Дом Кочубея в Одессе, как и в Северной столице, был открыт всегда для близких и знакомых лиц, знатных и простых, старых и молодых. Хозяин дома был доступен для всех.

Не меньшей симпатией у одесского общества пользовалась графиня Мария Васильевна Кочубей, которая, по воспоминаниям современников, отличалась исключительной добротой и любезностью.

Весной 1825 года Кочубеи оставили Одессу и направились в Диканьку. А летом того же года В. П. Кочубей вместе с женой, двумя младшими сыновьями, Михаилом и Сергеем, больной дочерью Анютой выехал из Диканьки за границу. Переждав в Белой Церкви последствия очередного приступа болезни дочери, Кочубеи продолжили свой путь. Они приехали в германский город Вирцбург и поселились в санатории, где доктор Гене приступил к лечению Анюты.

Время пребывания в санатории было полностью посвящено отдыху

и укреплению здоровья всего семейства В. П. Кочубея.

Весной 1826 года после трехлетнего отсутствия В. П. Кочубей вернулся в Петербург. Семья вновь оказалась в полном сборе. Наталья Кирилловна продолжала бодрствовать, играть в бостон и развлекать смешными историями из своей долгой жизни гостей салона. Старший сын Лев успешно учился в Пажеском корпусе. Второй сын Василий в июле возвратился из Одессы, окрепнув физически и духовно, а также значительно повысив свою общеобразовательную подготовку. Это позволило ему в следующем году по примеру своего отца начать службу в Министерстве иностранных дел.

Младшие сыновья Михаил и Сергей, подражая старшему брату Льву и стремясь быть во всем похожими на него, усердно одолевали программу домашнего воспитания, тщательно готовясь к поступлению в Пажеский корпус.

Сам граф Кочубей был очень тепло принят при дворе, и все в высшем свете не сомневались в том, что он вскоре получит высокое назначение. К нему и его жене продолжала благоволить императрица – Мария Федоровна, которая первая посвятила их в события 14 декабря 1825 года, написав им письмо в Германию.

Такое же доверительное отношение к графу В. П. Кочубею проявил и Николай Павлович. Молодой царь в своем письме к В. П. Кочубею в Германию от 6 февраля 1826 года весьма тепло благодарил графа за присланное письмо и настоятельно приглашал поскорее вернуться на государственную службу¹⁸.

Следовательно, В. П. Кочубей оказался вновь востребованным и сразу же по приезду в Россию получил ряд важных поручений. А через год (в апреле 1827 г.) после своего возвращения в столицу стал председателем Государственного Совета и Комитета министров.

Кажется, наступило время видимого семейного благополучия и покоя, а также удачной государственной службы. На самом деле дом Кочубея подстерегала новая трагедия. 16 марта 1827 года на 14-м году жизни скончалась младшая дочь графа Анна Викторовна Кочубей, которая на протяжении 13 лет

жестоко страдала от неизлечимого недуга¹⁹. Почт-директор Санкт-Петербурга К. Я. Булгаков, сообщая брату в Москву об этой печальной новости, 18 марта 1827 года писал: «У графа Кочубея умерла дочь... – это та, которая столько лет страждет, которую возили и в Крым и в чужие края для пользования; ничто спасти не могло, как ударил роковой час. Граф, графиня и целое семейство в чрезвычайном огорчении. Она была мила, добра, умна»²⁰.

Утрата любимой дочери Анюты явилась очередным и самым тяжелым ударом для стареющего и тяжело больного графа В. П. Кочубея. О том, насколько он был привязан к дочери и трепетно заботился о ее здоровье, свидетельствует тот факт, что граф дважды уходил со службы ради сохранения жизни Анюты. Родители, казалось, все испробовали, чтобы излечить дочь от тяжелого недуга. До сих пор на Диканьщине пересказывают легенду, связанную с историей болезни младшей дочери Кочубея. Якобы врачи посоветовали Виктору Павловичу чем-нибудь необычайным пробудить у угасающей от болезни Анюты интерес к жизни. Граф повелел посадить сиреневую рощу, которая, по преданию, своей красотой вызвала у приехавшей в Диканьку больной неописуемое восхищение, однако ненадолго²¹. Вскоре после возвращения из-за границы Анюты не стало, но сохранилась «Бузковая яма», которая своей живописностью до сих пор привлекает жителей Диканьки и многочисленных туристов.

Рассказывая о семейной жизни В. П. Кочубея в последние годы его государственной деятельности, важно заметить, что смерть младшей дочери и рутинная заседательская суэта на службе не закрыли его дом на Фонтанке, 16, для великосветских вечеров. Наоборот, с взрослением сыновей жизнь светская стала еще больше проникать в столичный и загородный дома графа.

Здесь стала чаще появляться шумная аристократическая молодежь, которая своей молодостью и артистическими талантами нередко развлекала великосветское общество. В то время по инициативе вожака столичной молодежи, певца, рассказчика и балагура князя С. Г. Голицына в домах вельмож стали устраиваться спектакли, извест-

ные под именем шарады в действии, что считалось тогда последним словом изящной новизны. Один из них состоялся 27 апреля 1827 года, в доме графа, в день назначения Виктора Павловича председателем Государственного Совета. В спектакле «Дон Жуан» на сей раз участвовало более двадцати пар. Роль Донны Анны исполнил будущий известный композитор М. И. Глинка. Он был в женской одежде и женском парике с распущенными волосами, что при его небольшом росте представляло, по воспоминаниям современников, довольно забавную фигуру, но пел голосом контрольного очень хорошо. Руководителем танцевальной группы выступал знаменитый в то время балетмейстер Огюст, музыкальное сопровождение осуществлял оркестр богача Всеволожского. Представление закончилось танцами.

Дом В. П. Кочубея был всегда открыт и для старшего поколения столичного общества и продолжал славиться своим гостеприимством, пышными торжествами и в конце 20-х – начале 30-х годов. Как уже отмечалось, танцевальные вечера в кочубеевском доме с большим удовольствием посещала императрица Александра Федоровна со своим супругом, императором Николаем Павловичем. Порой такие посещения являлись неожиданностью для хозяина дома. К. Я. Булгаков писал к брату Александру в Москву 21 января 1827 года: «Вчера <...> неожиданно для графа Кочубея государь и государыня изволили удостоить его бал своим присутствием и оставаться на нем почти до двух часов. Оба были веселы и пленили всех собою и своею милостью». Спустя две недели, 4 февраля 1827 года К. Я. Булгаков извещал брата о том, что вчерашний бал графа Кочубея был также прекрасный и также достоин присутствия государя, государыни и великого князя с великою княгиней. Их величества и высочества пробыли до двух почти часов и всех восхищали своею ласкою и милостями. Наконец, 14 февраля 1827 года К. Я. Булгаков сообщил брату в Москву о том, что «похоронили» <...> карнавал у графа Кочубея, где был государь, государыня и Михаил Павлович. Начался день танцами в два часа, затем был обед, а после опять танцы до полуночи. Императрица не изволила уезжать во весь день»²².

Дом Кочубея продолжал оставаться средоточием встреч интеллигентных людей, культурных и музыкальных увеселительных вечеров и в последующие годы. «Вечером 9 января 1829 года был я на полчаса у графа Кочубея, где множество народа собралось», – писал К. Я. Булгаков брату в Москву²³.

Казалось, что на фоне блистательных балов и танцевальных вечеров, нередко с участием царской фамилии, в этот известнейший дом столицы снова пришло время счастливой, размеренной великосветской жизни. Но так выглядело лишь со стороны. Его домочадцы продолжали испытывать новые удары судьбы. В. П. Кочубей, никогда не отличавшийся хорошим здоровьем, с потерей любимой дочери стал часто болеть. Участвовавшие приступы старых недугов каждый год стали длиться по несколько недель и даже месяцев. Только в 1829 году Кочубей проболел в общей сложности пять месяцев (с конца 1828 по март 1829 года; с 27 октября по 18 декабря 1829 года)²⁴. В феврале 1831 года графа Кочубея поразил приступ болезни во время заседания Государственного Совета, и больной несколько недель был прикован к постели²⁵. В последний год своей жизни Виктор Павлович постоянно болел. «Князь Кочубей было занемог, однако же <...> сегодня ему лучше <...> опять поднялась подагра, – сообщал К. Я. Булгаков брату в Москву. Он же в письме к брату 26 февраля, рассказывая о балах в столичных домах вельмож, замечал, что в воскресенье маленький бал в Аничковом дворце, так как «князь Кочубей еще не здоров и не может дать обыкновенного своего танцевального дня»²⁶.

День святой Пасхи в 1834 году выпал на 22 апреля. В этот день наступило 16-летие наследника престола цесаревича великого князя Александра и в церкви Зимнего дворца должно быть совершено молебствие митрополита Серафима в присутствии царской семьи и знати столицы. Великий князь Александр Николаевич сначала должен был принять присягу в качестве наследника престола, а затем в звании военнослужащего.

Во время торжественной церемонии император Николай I поручил внести в церковь дворца царские

регалии следующим высшим сановникам: «державу» – оберкамергеру графу Головкину, «скипетр» – адмиралу Н. С. Мордвинову, «корону» доверено нести князю В. П. Кочубею. Кстати, важно заметить, что последнему вместе с Н. С. Мордвиновым его величеством было дозволено в ноябре 1832 года поддерживать подушку, на которой лежал высокорожденный великий князь Михаил Николаевич по случаю церемонии святого крещения²⁷.

За день до принятия присяги наследником престола высочайшим указом действительный тайный советник князь В. П. Кочубей был пожалован в государственные канцлеры по внутренним делам²⁸.

Заметим, что из 11 человек, удостоенных завсю историю Российской империи этого гражданского чина первого класса, князь В. П. Кочубей оказался девятым государственным канцлером, правда, с приставкой «по внутренним делам».

Присутствие князя В. П. Кочубея на торжествах в Зимнем дворце по случаю присяги наследника престола оказалось последним его появлением в высшем свете. Через несколько дней он сильно занемог. Несмотря на то что в мае 1834 года Кочубей почувствовал некоторое облегчение, он тем не менее принял окончательное решение об оставлении службы.

Получив долгосрочный отпуск, князь В. П. Кочубей с супругой и сыном Василием в конце мая 1834 года отправились в родную Диканьку. Поздно вечером 2 июня прибыв в Москву, в ночь на 3 июня он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Печальная весть дошла до Петербурга 5 июня и, по словам почт-директора столицы К. Я. Булгакова, «ужасно всех здесь поразила <...>. Все сожалеют о нем»²⁹. Описывая реакцию официальных кругов на известие о смерти князя В. П. Кочубея,

А. С. Пушкин записал в дневнике: «...получено здесь известие о смерти князя Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову»³⁰.

Действительно, кончина председателя Государственного Совета и Комитета министров явилась для всех неожиданностью и вызвала растерянность высшей власти. Известие о смерти Кочубея застало Николая I в Петергофе. Встал вопрос о месте отпевания, траурной церемонии и последующего захоронения тела усопшего. На третий день после смерти князя в Москву на имя генерал-губернатора князя Д. В. Голицына был направлен церемониал организации похорон В. П. Кочубея. Решено отпевание усопшего провести в церкви Чудова монастыря Кремля, а тело перевезти в Петербург и похоронить в Александро-Невской лавре.

В Москву для участия в траурной церемонии отправились сыновья Кочубея и дочь Наталья Викторовна, за которую очень переживали близкие, так как она ждала ребенка³¹.

В кочубеевском столичном доме на Фонтанке, 16, в эти траурные дни на правах главной хозяйки оставалась восьмидесятисемилетняя графиня Наталья Кирилловна Загряжская, которая по-своему отреагировала на внезапную кончину зятя. Поэт А. С. Пушкин, рассказывая об этом случае своей жене в письме от 11 июня 1834 года, писал, что Наталья Кирилловна, узнав о кончине князя, с удивлением призналась: «Я не думала, <...> что смерть Кочубея так огорчит меня...» Далее поэт поясняет, что «она утешается тем, что умер он, а не Маша»³².

Несмотря на преклонный возраст, графиня Наталья Кирилловна стоически держалась в эти дни глубокой скорби, принимая соболезнования от многих разных

особ, посетивших ее дом. В дни траура К. Я. Булгаков писал брату в Москву: «Вчера много было карет у Загряжской <...> но я еще не был». «Для семейства (Кочубея – П. Н.) по крайней мере утешительно всеобщее сожаление <...> Императрица приезжала навестить Наталью Кирилловну»³³.

Траурная церемония выноса тела князя В. П. Кочубея из церкви Благовещения на Тверской до Чудова монастыря для отпевания состоялась 13 июня 1834 года.

После окончания траурной церемонии в тот же день ночью тело усопшего было отправлено в Петербург. Погребение было совершено 21 июня 1834 года в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры в присутствии государя императора Николая I, великих князей Александра Николаевича и Михаила Павловича, а также многочисленного собрания высших сословий³⁴.

После смерти канцлера В. П. Кочубея остались теща, жена, дочь Наталья Викторовна, замужем за графом А. Г. Строгановым, и четыре неженатых сына. Княгиня Мария Васильевна, чтобы погасить долги, продала загородный дом в Царском Селе. В 1838 году казна купила ее столичный дом на Фонтанке, 16, где разместилось Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Находясь на лечении за границей, княгиня М. В. Кочубей скончалась в Париже в январе 1844 года, была перевезена в Петербург и похоронена рядом с мужем в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры³⁵.

Итак, из сказанного можно заключить, что практически на протяжении всей семейной жизни дом В. П. Кочубея не покидала скорбь по утрате близких людей, в связи с чем М. М. Сперанский однажды с горечью заметил: «Дом золотого несчастья и блистательных страданий»³⁶.

¹ Великий князь Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна супруга императора Александра I. Т. 3. СПб., 1909. С. III.

² См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. В 3-х частях. М., 1836. Ч. 3. С. 109.

³ Гусарова Е. В. Дворец князя Кочубея в Царском Селе (два этюда) // Петербургские чтения. Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 194.

⁴ Из воспоминаний М. М. Евреинова // Русский архив. 1875. Кн. 1. № 3. С. 335.

⁵ Там же. С. 337.

⁶ См.: Сафанович В. И. Воспоминания // Русский архив. 1903. Кн. 1. № 4. С. 494.

⁷ Вестник Европы. 1870. Т. 5. С. 164.

⁸ См.: Голос минувшего. М., 1913. № 3. С. 103.

⁹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 681.

¹⁰ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. С. 267–271.

¹¹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 675.

¹² См.: Модзалевский В. Л. Кочубей // Малороссийский родословник. Т. 2. Е-К. Киев, 1910. С. 544, 547.

¹³ Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. Т. 88. № 10. С. 47–48.

¹⁴ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 572.

¹⁵ Там же. С. 584.

¹⁶ Там же. С. 597.

¹⁷ Там же. С. 315.

¹⁸ Державный архив Полтавской области. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 6. Л. 157.

¹⁹ См.: Петербургский некрополь. Т. 2. Д-Л. СПб., 1912. С. 501.

²⁰ Русский архив. 1903. Кн. 2. № 8 С. 557.

²¹ См.: Скорик В. П. Диканщина. Историко-краеведческий нарис. Полтава, 2006. С. 17–18.

²² Из писем К. Я. Булгакова к брату Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. Кн. 2. № 8. С. 552, 554, 555.

²³ Русский архив. 1903. Кн. 3. Вып. 9–12. С. 317.

²⁴ Подсчитано авт. по: Сборник РИО. Т. 74. С. 425.

²⁵ Русский архив. 1873. Кн. 1–2. В. 1–12. С. 2111.

²⁶ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 407, 410.

²⁷ См.: Северная пчела. 1834. № 92, 93; Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 7. С. 9.

²⁸ Северная пчела. 1834. 27 апреля.

²⁹ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 421.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1936. Т. 6. С. 446.

³¹ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 422.

³² Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 10. С. 135.

³³ Русский архив. 1904. Кн. 1. № 1–4. С. 422.

³⁴ Московские ведомости. 1834. 4 июля. № 53; Церковь Святого Духа (Духовская церковь) была закрыта в 1935 году. Останки известных исторических личностей (канцлера В. П. Кочубея, графини Н. К. Загряжской, жены М. И. Кутузова и др.) были перенесены в 1937 году в Лазаревскую церковь и преданы земле. На месте перезахоронения праха В. П. Кочубея установлена напольная плита в ограде, перенесенная из Духовской церкви. См.: Кобак А. В., Пируток Ю. М. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 164, 166.

³⁵ См.: Русский инвалид. 1844. № 38.

³⁶ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. С. 636.

Тюремный врач — Евгений Рудольфович Эйхгольц

Г. П. Игнатьева

«На мрачном фоне каторги светлым лучом выделялся врач Евгений Рудольфович Эйхгольц»¹, — так начал свои воспоминания о Шлиссельбургской крепости Иосиф Карлович Гамбург.

Евгений Рудольфович Эйхгольц родился 7 августа 1864 года в Санкт-Петербурге в обеспеченной купеческой семье. Родители Евгения Рудольфовича — отец Рудольф Готлиб Иванович Эйхгольц (швед по национальности, 1822–1888) и мать Тереза Александровна, урожденная Косова. Годы ее жизни неизвестны, но сохранилась дата венчания супругов Эйхгольц — 30 апреля 1853 года².

Р. И. Эйхгольц был купцом 1-й гильдии. Дела его шли успешно, он активно участвовал в благотворительных обществах и жертвовал значительные суммы. С 1875 года он

Евгений Рудольфович Эйхгольц.
1917 г.

был директором и казначеем Петербургского комитета Общества попечительства о тюрьмах, а в 1876–1880 годы — почетным блюстителем Царскосельской Марининской женской гимназии, пожертвовал в ее фонд 1200 рублей — сумма по тем временам значительная, равная стоимости обучения 15 учениц³.

Семья владела двумя поместьями с винокуренным заводом в Смоленской губернии, несколькими домами и антикварным магазином на Большой Морской улице в Петербурге. Рудольф Эйхгольц коллекционировал произведения искусства, его страстью были картины голландских живописцев и швейцарские часы. Занятие музыкой было увлечением всей семьи. Все дети играли на музыкальных инструментах: Елизавета и Мария — на фортепьяно, Евгений — на вио-